* * *

Июль, июль — жара цветет и тает
Цветет роса, и тает на губах
Ты встретил дни, которые летают
И музыку, стучащую в висках.

Ты видел ноты, трогал их руками
Ты чувствовал сомнение и страх
Твоей заре несметными огнями
Вечерний сумрак ширился и гас.

Встречали дни мы, или дни встречали
Нас сами, появлялись и дотла
Сгорали дни и просто пропадали
Встречали, таяли и в сумерках сгорали
Цветение пылающих азалий —
Строение зеркального стекла?

15.9.89

* * *

Были — постройки, сараи, дома
Было — и будет: зима.

Под облаками только луна
Видишь: — скучает одна

Мы же с тобой, под ледяной луной
Вспомни: — ах, боже мой!

Мы же с тобой проходили вдали
Вдаль, добираясь до новой земли
Жили, смотрели все дни напролет
Как индевел, загораясь, восход
Как, пожирая и ночи и дни
К нам по следам добирались они
Господи: — корабли.

27.11.88

* * *

Броситься в вечер, в закатную мглу
Знали мы, знали, что будет с того
Брали беспечно, отдали золу
И нам в ответ — Ничего, ничего.

Брали беспечно, любили спроста
Видели снег, а смотрели — вдали
Чуть не отдавши в угли, как в уста
Плыли, как лебеди, корабли.

6.4.88

Eleventh Earl of Mar.

Крики сов и шуршание в чаще
Понимает лишь тот хорошо,
Кто готов в хризолитовой башне
Половецкое есть колесо.

Не проси — удивление, знаю
Быв утеряно, не уплывет
Отвечая условиям мая
Отрываясь, скрываясь уйдет.

Но к чему повторение мая?
По пятам твоим вечно идет
Постоянства улыбка кривая
И чужим удивлением, знаю
Постоянного сердца расход —
Постоянным приливом цветет.

25.7.89

* * *

О стихах, о былом, о тебе —
Ничего, ничего не тревожа
Повторяю сухими губами
Среди спелой шуршащей травы

"Home, home", — сухими губами
"Home, home" — out of range.

Не проси — повторенное дважды
Успокоенное, уплывет.

12.8.89

Прогулка с Э.Ф.

Эта ночь — только выйти и сгинуть.
Постоянных теней волшебство

Повстречать, и звезды не покинуть
Стратосфера, твое торжество!

Эта ночь — как щекою к бумаге
И рукою — к шуршащей траве
Стратосфера! Хватило отваги
Нам с тобой умирать в синеве

Эта ночь — столько визгу и лязгу
(Стратосфера спокойна едва)
Сквозь бессмертную нашу бумагу
Прорастала сухая трава

Стратосфера — горячей щекою
Подойду, подойду и найду
И блаженное наше здоровье
И упавшую где-то звезду.

24.8.89

Гигантомахия
(наброски)

1.

Как по морю синему холодному
Все плывет кувшинка, все плывет она
Все несется ветер над кувшинкою
Ветер дует с полюшка бесплодного
С полюшка горелого, заветного
И меня зовет он сиротинкою.

Ой ты ветер-ветер да во тьме ночи!
Ты чего скажи ты мне поведаешь?
Как воздвиглась в поле да землица-ста
Как она сказалася заветною
Да как стала вытворять-чудить в ночи,
Даже небо со овчинкою заститься стало.

Да как чудища-чудовища ужасные
Вдруг полезли из щелей в земле опасныих.

6.5.86

2.

Так там было поле, а небо так низко
Как будто хотело с горами сомкнуться
Как будто хотело обратно вернуться,
В начало творенья, и вновь было мглисто
И серо и желто; и горы светили,
Но призрачным светом, и черными были,
Являя собою лишь тень в небосводе.
Как будто бы кто-то, чужой ли, забытый
На небе ночном разместил эти тени,
За каждой повесил светильник отдельный,
На рыбьих костях, к небосводу прибитый.
Но были светлее края небосвода.
Вдали были горы, и горы светили,
И черными были, неровными были,
Стеной окружали горелое поле

Как руки уродов, как крылья драконов.

А там было поле, и небо спустилось,
И светом чужим и далеким светилось,
Внутри была тень, а вокруг были горы...

17.12.85

3.

Ой землица ты земля чистая,
Ты земля камнем прикрытая!
Что ж ты спряталась в тени небес,
Как стыдом, людей боишься ты?
Ой ты, что ли, задумала
Что, землица, ты, родимая?

А вокруг тебя темным-темно,
Только горы глянут сумрачно,
Глянут, хмурые, мигнут огнем.
Над тобой где-то звезды падали
Да черными звезды пятнами
Все с небес-то и попадали —
Стало черным небо в вышине небес.

Только горы светят пасмурно,
Светят, темные, зловещие,
Светом серым да мышиныим.
Глянут горы да мигнут в ночи.
Хоть они-то горы темныи,
Да над ними словно зарево
Словно адов цвет горит в ночи.

7.6.86

* * *

Колокольцем дорога весело звенит
Сани мчатся с дороги, снег летит в лицо
Сани мчатся с дороги, весело в зенит
Где окружает горизонт кольцо.

Никого здеся нету, тишь здесь да пустынь.
Никого здеся нету, только имена
Колокольцем от стужи весело звени
Колокольцем от стужи весело звени
Отпоет, отыграет нас грешная страна.

сент. 86

май — декабрь 86

1.

Гендель, оп. 3 конц. 6

Что пройти мне — поверьте, сполна,
Я ручаюсь головушкой в поле,
И запомнит родная страна
Имя прежде героя на воле.

Ветер-ветер кружи и дрожи.
Что далеким заснеженным кручам
Затмевать январем рубежи
Отдавать их рассерженным тучам.

И далеко-далеко во тьме
Открывать малодушные станы —
Это нам не себе ли гульбе?
Это нам не тужить ли обманом?

Тихо-тихо несет снегопад
Над могилою спящих героев
А они говорят, говорят
И пространства снеговые воют.

2.

Что пройти мне — поверьте, сполна
Я ручаюсь головушкой в поле
И запомнит родная страна
Имя прежде героя на воле.

Вот встает за оврагом овраг
За кониной обеднею служит
И навечно застынет дурак
И забудется, вечно не нужен.

Что ж теперь мне дорогу знать
И знакомому быть с острогом?
Мне ль тебя, моя родина мать
Поминать по степным дорогам?

И в тени у твоих рубежей
Ты небесная родина сердца
Проходить у небесных межей
По печальным путям страстотерпца.

Тихо-тихо несет снегопад
Над могилами спящих героев
А они говорят, говорят
И пространства снеговые воют.

Ночь в Феодосии.

24.11.89

Мы любили свой город, свой порт и огни его
Огоньки на мысе далеком будили нас и заставляли нас петь
Возвращаясь, в кромешной ночи, не помнили дня своего
Но помнили город, и с ним — неизбежность уйти
    и опять и опять, и уйти и уснуть и успеть.

Мы любили свой город — от бакена к бакену, от маяка к маяку
Просыпалась в нас жажда любить, и страдать
И смотреть, и смотреть бесконечно друг другу в глаза, и
    в кромешной ночи, на бегу
Там, от края фонтана до пристани, или от почты до дома,
    но лучше — у самой железной дороги (а ночь все темнее,
    огни все глуше, и глуше и город в снегу)
Прямо со шпал иль на площади или еще где-нибудь
Может, немного по-детски и всхлипнув, а может и просто
    (молчи, позабудь, позабудь)
Или на цыпочки встав, или немного склонив голову к
    горьким и нежным губам (после рассвета не встанешь,
    и город уже не такой, и люди не те будут, песни не те
    будут, горы не те, и дома, и вода)
Голову нежно склонив (верно ли — ты чуть не ушел навсегда? —
    — После я все расскажу — мне б не здесь,
    на бегу я не смею, я после, я здесь не могу,
    мне б с тобой постоять, помолчать)

Тихая, нежная, злая, веселая,
    грустная, милая ты — я не тот, ты не та, ну и что,
    это все суета, не спеши, ничего, я не тот, ты не та,
    мы ушли, разошлись навсегда, и когда-то давно,
    разошлись, разбежались, я видел в кино, тоже
    кто-то страдал, и хотел умереть, а смеяться не мог,
    петь не смел и не смог, он был кто-то, ты кто-то,
    я кто-то (никто!), ну и что, мы — и все, мы друг
    друга любили когда-то давно, и любили друг друга,
    любили — и что же — вовеки не вспомним друг друга,
    и молчим и молчим, и молчим, и молчим...

Небесная шпана.

1.

Кого гнетет печаль, кого зовет апрель
Капель, капель, капель — играют камыши
А мы несемся вдаль, а мы стреляем в цель
А мы играем в такт, а в такте — ни души.

А в такте есть печаль, а в такте есть бекар
Отменный знак, удар, еще один удар
Оставьте нас одних — мы ведаем печаль
Мы разведем пожар, и будем плавить сталь.

Оставьте нас одних — мы плюнем в облака
Вот вам моя рука — ни слова поперек
Пусть глупая луна страшна и велика
Мы вдарим по луне — вы только дайте срок.

Коль мы хулиганье, отменная шпана
Вот вам моя рука — ни слова без вранья
И пусть несется вниз печальница луна
А мы рванули ввысь — и нет хулиганья!

29.11.88

2.

А мы подобны дням, играющим с огнем
Мой дом уже не дом, а нищенский вертеп
Кто счет ведет ветрам, а я играю днем
А я играю в дом, где выбирают хлеб.

А я играю в тень, да, я играю в тон
Да я играю в такт, а в такте — ни души
Хоть я играю в день, да только ночь — закон
И говорит закон — не хочешь — не дыши.

Не хочешь — не дыши, забудь свою печаль
Февраль, февраль, февраль, не хочешь — не дыши
Не хочешь — не дыши, забудь свою печаль.
Мой дом уже не дом, и сталь уже не сталь

И жизнь уже не жизнь, и рядом ни души.

11.12.88

The night watch.

От музыки степей и бриться не с руки.
Кого-то вдалеке позвали камыши
Как будто легкий всплеск, касание руки
И снова тишина, и снова ни души.

Ах музыка степей! Томительно длинна
Как помазок скучна, легка и высока.
От музыки такой несется вскачь луна
И горы скачут вдаль от легкого щелчка.

Ах музыка степей! Как первая струна
Несется вдаль страна, легка и глубока
И ты свою печаль неси, моя строка
От утренних программ покорна и скучна.

Кого гнетет печаль, кого зовет апрель
Капель, капель, капель, играют камыши
А мы несемся вдаль, а мы стреляем в цель
А мы играем в такт, а в такте ни души.

Успеть бы нам, успеть! Но что там! Высока
Несется вскачь луна, печальна и бледна
Печальна и бледна, длинна и далека
Как ветер горяча, тосклива и страшна.
(И бледностью своей чахоточной страшна)

А мы молчим, молчим... Играют провода
Качается вода над сетью рыбака
Летит на нас луна, танцуют города
И горы скачут вдаль от каждого щелчка.

28-29.11.88

Песня.

Время чуткое до свирелей
Опускается гриф гитары
Поднимаются в небо птицы
И форель пробивает лед.
Как высоко снегам не падать
Как под снегом весны не ведать
Кто здесь кровью до сердца полон
Пусть она для меня поет.

Как высоко снегам не падать
Глубоко-глубоко под снегом
Проживает народ веселый
Не слыхавший что значит "смерть".
Кто здесь кровью до сердца полон
Пусть сыграет на звонкой флейте
Пусть споет, как взлетают пчелы
Коль сумеет об этом спеть.
    Кто здесь кровью до сердца полон,
    Пусть сыграет на звонкой флейте
    Пусть научит веселых братьев
    Под звенящую дудку петь
        (поет во флейту)

Ты же кровью до сердца полон
Этой песне твоей счастливой
Время чуткое до свирелей
Не один мы искали год
Но прошел постоянный насморк
Расцвела дорогая флейта
Веселится Грааль на даче
И форель разбивает лед.
    Но прошел постоянный насморк
    Расцвела дорогая флейта
    Веселится Грааль, и плачет
    И звенящие ноты вьет

Время чуткое до свирелей
Опускается гриф гитары
Поднимаются в небо птицы

И форель пробивает лед
Как высоко снегам не падать
Как под снегом весны не ведать
Кто здесь кровью до сердца полон
Пусть она для меня поет.
        Как высоко снегам не падать
        Как под снегом весны не ведать
        Ты здесь кровью до сердца полон
        И она для меня споет!

4.10.89

* * *

”Бум-бум” —
начинается.
(А.Белый)

Я тебя ненавижу.
Ненавижу тонкие пальцы
Что когда-то вздымали —
          — Ножку бокала
                — Когда-то!..
          — Ненавижу —
— Любя.

Я тебя ненавижу.
Проклинаю нежную кожу висков
(Помню, жилка так жалобно билась —
                    — У виска)
                    — Ненавижу —
— Любя.

Я тебя ненавижу —
Постоянный прилив вдохновенья
И нездешние тонкие пальцы
Что высоко вздымают —
        — Ножку бокала
   Этот грозный мотив —

Проявляется сновиденье
Появляется (ты сказала —
           Эти руки —

— С тобой! —
— Навеки...)

— Ни сейчас, ни тогда.

Как высоко снегам ни падать,
Глубоко-глубоко под снегом
Проживает народ веселый
И форель пробивает лед.
И с тобой, в суете скандала
Мы связали друг друга крепко
Я же кровью до сердца полон
И она для меня поет.

Я же кровью до сердца чуток
Этой песне моей веселой
Время чуткое до свирелей
Не один мы искали год.
Но прошел постоянный насморк
Расцвела дорогая флейта
И молчит огневец на даче
И форель разбивает лед.

3.10.89

* * *

  Постоянное устройство молотка
Прекрати судьба течение свое
В темном небе очень много молока(*)
  В черном море мы утратим бытие

В белом море мы находим самовар
Прекрати судьба течение свое
Голова моя похожая на шар
С самоваром познакомить бы ее!

Мы зажжем на море огненный пожар
Закидаем небо огненным дерьмом
Голова моя похожая на шар
Как тебя я познакомлю с молотком?

(*) Имеется в виду млечный путь.

4.12.88

Подземные жители.

Поглядев на небо, я заключаю
Что дождя не будет, и это меня не огорчает.
Поглядев на землю, я обнаруживаю
Что земля разбужена.
В земле копошатся различные черви
И разные, подобные им звери
В земле живут, словно коровы в хлеве
Но в земле отсутствуют двери
В земле отсутствуют окна
В земле отсутствует свет
Зато там не мокро
Потому что дождя пока нет.
Затем я просыпаюсь, будучи испуган
Неожиданным поворотом моих мыслей.
И голова моя идет кругом.
И в голове моей нет ни единой мысли.

5.3.89

Россия.

Россия, милая Россия!
За что, не знаю, не скажу
Константинополь и проливы
Всегда терзали грудь мою.

И эти призраки немые
(Без них два слова не свяжу)
Грустны, больны и молчаливы
С чужим — немы, с тобой — счастливы,
Как лебеда и как крапива
Веди, Россия нас — мы живы

О Русь! Тиранят грудь твою.

21.10.89

Seven Dead Men.
23.3.88
2A.M. - 4A.M.

The Celtic Lyric
By J.C.Squire

Seven dead men, Brigit
Came from the sea
(Mist on the waters
And sorrow on the tree)

Seven pallid men, Brigit
Cold from the sea.
And each with his strange eyes
Whispered to me.

O, sad voyagers,
Whither are ye faring?
Do ye bring a tale of grief
For desolate Eirinn?

Oisinn and Dubb we be
And Cucutullitore
And Fish and Fash and Fingal
They spoke nevermore.

But each wore a wrap, a wrap
And each wore a weft
Of lost stars and sun forlorn
And moons bereft.

Вступление.

А.

Семеро, семеро, семеро дней
Днями сменялись ли — сердце, молчи
Днями сменяли ли белых коней
Днями сменяли ли крашеный щит?

Дни как умертвие. Страшен рассказ

Страшным путем проходили они
Страшным путем проходила тоска
И натыкалась на новые дни.

Семеро, семеро, семеро дней
Дни не сменялись ли — сердце, молчи —
Это ли тайна закатных теней —
Это ли к тайне заветной ключи?

Б.

Семеро мертвых из кармы создам
Семеро тайных из моря пришли
Семеро мертвых, с судьей пополам
Карму свою на плечах принесли.

Семеро мертвых, и смертный туман
Семеро мертвых, и в сердце одно —
Пламенем тяжким гудит океан,
Как на закате гудело вино.

1.

Звали меня Грам де ла Гроттинг,
Грам де ла Гроттингом звали меня.
Мне на закате грозили мечом
И на закате казнили меня.

И отвечаю я: к смерти готов.
Но почему — вопрошают меня
Мне говорят, отвечая на зов
Трижды копытами тени коня?

2.

Грайсом я звался, когда на земле
Жил, уподобленный пене морской
И после смерти остался в золе,
Не опечаленный славой мирской.

Но почему, вопрошают меня,

Ты не готов в эти грозные дни
И не воззвал к нам, трубя и стеня,
В час, когда город ломали они?

3.

Ветер устало смерил растенья
Тени умчались и начался день.
Я расскажу о Луи Ламбертене
Если вам, милые, слушать не лень.

Был он отважен, но сердцем не в меру
Был он разборчив, как истый герой
И на прощанье махнувши партеру,
Сгинул неведомо тайной порой.

Если же песне внимать надоело,
Если дорога осталась скучна —
Бейте в ладоши и хлопайте смело,
Чтобы в тени притаилась она!

4.

Прост не в меру истый гений
Грустен славный Эмпедокл —
Необъявленных растений
Собиратель и король.

Стоит ли встречать сомненье
Или веру провожать,
Если собственных мучений
Мы не в силах рассказать?

И негоже звать свиньею
Эпикуровы стада —
Ведь с Кастальскою горою
Не прощается вода!

5.

Близко к ответу. Довольно страданья
Только ли горе оставлено в снах?
Столько ли теней на влажном тумане,
Сколько ответов на влажных губах?

Близко к ответу. Дорога дорогой
Песня иная о гибели дней
Песне иной, о тумане и Боге
Место ли здесь, под эгидой камней?

Светлые тени на влажном тумане
Песни иные о снах говорят
Песни иные оставлены снами,
Сны о покое, о песнях трубят.

Светлые песни об Элросе славы
Светлые пени двулогой порой —
Смешаны тени с двулогой отравой
Смешаны пени с двулистой игрой.

Вот и ответ, что приходит на славу,
Вот и ответ: — что печальный герой
Зря или в юности выпил отравы —
Песню печальную поздней порой?

6.

Фишер я, Фишер, рыбак и рыбак
Песни запели вы — вот это как?
Так не забудьте о песне моей
Да не забудьте о доле морей

Да не оставьте навек корабли
Да не оставит вас вечно земля —
Ведь не годится бросать корабли
Как не годится бросать короля.

Как не годится оставить дома
Вечною кармой и вечной судьбой —
Песни последние сушит зима

Как сквозь отдушины поздней порой.

7.

Ручаюсь любовью, что нет у нас веры,
И нету любви, кроме той, что была.
И верные цепи, и мерные сферы,
И вера, что прочно стоит, как скала.

И вера, что будит своим оборотом,
Любовь, что цветет в непросветной ночи
Что сеет и веет, что жнет и молотит,
Что верит и любит, что сеет лучи.

Что сеет любовью, и как драгоценность,
Мне страшно то светлое вслух произнесть
Ведь светлые сферы рождают бесценность
Того, что другие не могут унесть.

Ведь светлые цепи как раны, священны
И вера как рана священна, как тень
Летит твое имя, и кружит, бесценно
И облако тает с тобой, Лучиень.

Сватовство к Эмер.

Позвольте начинать. Одна из них
Способна шить. Лицо ее светло.
К ней подъезжает царственный жених.
Прыжок лосося, ясное чело.

К ней подъезжает. — "Бог тебя смягчит."
В ответ он ей: — "Спасение от зла."
— "Откуда прибыл?" — "Провели мы ночь
У Пастуха Великого Козла."

— "Что вы там ели?" — "Остов топора,
Суп из телеги, голову орла
Стихи друидов Айлиля и Медб
И потроха Великого Козла."

— "Какой дорогой?" — "Между двух холмов,"
— "А дальше?" — "Из Великой Тьмы
По вязкой пене двух ночей Эмайн
И по железу каменной спины
Жены Фейдельма, по хребту свиньи,
Меж богом и провидцем, кабаном
И кабанихой, слугой и господином
И в Монкуилле, у углов земли."

21.11.88

* * *

Во сне я видел город Тир
И никого на улицах и в домах
И никого, чтобы зажечь свет
И никого, чтобы подать напиться.

Во сне я видел город Тир
Его семь стен были в развалинах
Его окна были разбиты
Его жители куда-то исчезли.

Когда я проснулся, я поглядел за окно
Я увидел, что улицы моего города пусты
Я увидел, что нет никого, чтобы зажечь огонь
И нет никого, чтобы подать напиться.

И я понял, что я не проснулся.
Я понял, что я сплю, и вижу сон,
Что я вижу сон.
И я решил, что лучше не просыпаться.

17.3.89

1. Тема.

И храмы, что строили мы на песке
Дороги, что клали сквозь грозы и бури
(Граница, как водится, вновь на замке
И ветер несется по ясной лазури)

И те, что прошли никому не сказав
И эти, что прянули вмиг от удара
Товарищи пряных засушенных трав
Созвездие гроз в эпицентре скандала

Как бурю, мы знали весенние дни
И слышали громы в небесной лазури
Нам слышалось ясно: уходят они
Соцветия ночи, соцветия бури.

Но серый и азбучно-пряный напев
Сквозь грозы и бури затверженный нами
Мы подняли выше, и там, вдалеке,
Рожденный огнем, он поднялся как пламя.

Как тихо! Идут по реке корабли
Земля как невеста в венчальном уборе
Небесные всадники скачут вдали
Их тени проносятся тихо и споро
Чтож, выпало жить в тишине и просторе —
Живи как живется, в морозной пыли
Ведь здесь, на равнине, столетья прошли
И что ж — только морок с собой принесли
Зато ни войны, ни смятенья, ни горя...

И тихо и мирно идут корабли
Невидимо небо в морозной пыли
И вовсе загадочно синее море.
Но тягостен вид бесконечной земли
Нам снится — мы ртуть серебру предпочли
И хочется кинуться вдаль от позора.

29.10.89
30.10.89

2. Вариации.

Как тихо! Идут по реке корабли
Земля как невеста в венчальном уборе
Небесные всадники скачут вдали
Их тени проносятся тихо и споро
Что ж, выпало жить в тишине и просторе —
Живи как живется, в морозной пыли
Ведь здесь, на равнине, столетья прошли
И что ж — ни войны, ни смятенья, ни горя...

Но горы топорщатся мрачно вдали
И сгрудились мрачно вокруг корабли
И нежные степи роняют уборы.

Рожденные плакать — мы петь не смогли...
— Постой, друг-приятель! Без ссору — без спору,
К чему нам вести о судьбе разговоры?
Я весел, я счастлив и значит я прав —
Мне скажет товарищ, и прыснет в рукав —
— ведь мы рождены для тепла и простора...

— Нам выпало счастье, им выпало горе
Нам мед и коврижкі, им сопли и лед
Нам выпало жить в бесконечном просторе
Им грабли и сабли, нам лапти и мед.

И в сладкой дремоте мы дни провели
Без сил, без смущения ждали ответа
Рожденные плакать — мы петь не смогли
И ртуть предпочли серебру, и за это

Нас годы великие прямо вели
В страну, где куются небесные звенья
И мы поношенью позор предпочли
И ждали, что нас посетит вдохновенье

И вот покатились века, как валы
И самый великий, седой и надменный,
Упал, и за ним, безобразным и пенным
Те годы сломались, и эти пошли,
Пришли, заворочались, поползли,

свинцовые глыбы кувшинкам на смену.

— Спасибо приятель, я знаю им цену
И славы у них не хочу отбирать.
— Вы врете, почтенный — и годы не те
И слава не та, если можно сказать.
Мы вечные лета пропели мечте
А вы научились мечту убивать.

А наши года нам известны давно
И нежные краски весеннего дня
Вы клали так густо, что стало смешно
Как вы ухитрились запачкать меня.

А наши года освятились мечтою
И дни заменили собою года
И горько мне спорить об этом с тобою
Ведь ты соглашался со мною тогда.

Мы стали как птицы, как братья и сестры
Мы крепко спаяли наш родственный круг
И нежные руки в совместной работе
Сестер или братьев, друзей и подруг...

Мы стали как духи, мы стали как птицы
А может, еще и невиннее птиц.
Белее бумаги у нас голубицы
А женщины наши белей голубиц
А братья румянее роз и тюльпанов
А сестры невиннее роз и лилей
Глаза их синее, чем синь океанов
А кровь наша роз и тюльпанов алей.

А женщины наши белей голубиц
И нет выше радости — жить на свободе
И близкое небо обеих столиц
Как свиток, открытый себе и природе
И нет выше счастья, чем радость обид —
Как радостно в доме, где небо кипит!
Как сладко, мучительно жить на просторе!

Но тихо и мирно идут корабли

Загадочно небо в морозной пыли
И вовсе невидимо синее море.

И тягостен вид бесконечной земли.
Нам снится — мы ртуть серебру предпочли
Рожденные небом, нам снится мы воры
И столько бесчестья у нас впереди
Что сердце заходится плачем в груди
И хочется спрятаться нам от позора.

29.10.89
30.10.89

В стекле.

Рости, рости — раз так, воспоминаний
Раз этак, то и сверишь, быть-не-быть.
Раз так, раз этак — нам ли тех стенаний,
Что слышали они — не позабыть.

Что слышим мы... Да то ли песнь разлуки
Да это ли — вечерница в стекле?
И вот стоим, ломаем чьи-то руки
И бархат сумрачен в закатном хрустале.

И вот стоим. Так странно и так нежно
Раздался звук разбитого стекла.
И так прекрасна, так и безмятежна
В окно сама <i>вечерница</i> вплыла.

28.10.87

***

Рассвет и тень, рассвет навек
Постойте, стойте, много ль рек
Течт, и светит, и растт
И звучно север восстат

И звучно светит, звучно станет
И звучно ветер не устанет

И ветер ночью будет звучным,
Как светит ночь, как светит ночь...

29 10 87

***

Речи безумные, речи усталые
Вечные, лунные, горы заветные
Горы обманные, вы безответные,
Вы полусонные, вы запоздалые.

Светит, забудутся речи бессонные,
Речи безумные, речи безумные
Сон бесконечен, но свечка под окнами
В ставни не ломится, в ставни не ломится...

30 10 87

Мятель

Как будто день – немая ночь
Как будто тень – немая тень
Как будто тень уходит прочь
И поднимает новый день

И поднимается мятель
Мятель ревт, мятель метт
Кому закон, кому – ответ
Кому – завет, кому – постель
Мятель...

14 11 88

***

Славны герои, великие речи
Ветер и ветер, что дует далече

Вера и вера, что свет принесла
Свечка, что светит, и ель, что росла

Дуб, что стоит, в семлю накрепко врыт,
Голос прибоя, что вечно звучит

И над далкою тмной стеной
Светлое небо с его синевой.

13 12 87

***

Рост человека – не просто химера
Рост – это сила, и змеи, и жизнь
Рост – это радость, но это и вера
....
Тише: крепче с землю сожмись.

13 12 87

* * *

Зараз я б убрался охотно
Да только дурная звезда —
Везет меня ванька какой-то
И глухо урчат провода.

Скамейка, тепло и несыро
И скаты в морозной пыли
Манящего, дивного мира
Миражи маячат вдали.

Морозной укрытая пылью
Синеет далеко земля
А ванька стегает кобылу
И матерно честит меня.

Мой ванька, невольный попутчик
Доколе мне грешному петь
Морозного неба игрушкой
Над черною пропастью тлеть?

Доколе мне плакать — я плакал,
Я трясся, я вновь вспоминал,
Как счастье, весеннюю слякоть,
А ветер вдали завывал.

Но миг — и дорога помчалась,
Влекомая дикой судьбой
И ложью судьба оказалась
И песней — пронзительный вой

Нам стало излишне прощанье
Извозчик отбросил ремни
Протяжное, злое молчанье
Наполнило долгие дни

И небо на нас разорвалось
Как будто бы медью вдали
А птицы во сне разорались

И с песнею нас увели.

17.10.89
июнь — окт. 86

Атлантида.

За моря, за моря, далеко
Уходили суда Атлантиды.
Чтож, плыви, мы забудем обиды.
Иль забыли уже. Нам легко.

Не простившись уже, а пока
Погрозим одиночеству пальтсем
Нам наскучила наша тоска
И наскучило нам постоянство.

Чтож, не с нами, с другими плыви
Уплывай, неизвестности вторя.
Если сердце истает в крови
Пусть другие расскажут о море.

Пусть другие расскажут о снах
О морях, берег дальний и пенный.
Как мы жили – и будем: в снегах.
Мы останемся здесь, непременно.

Мы останемся, что за беда
Что нам память и что нам обида.
Мы останемся здесь навсегда.
Мы останемся здесь, в Атлантиде.

(29 Сент. 96)

Белое Братство.

Марии Деви Кристос.

Среди уходящего в небо пространства
Луну обнесли стометровым забором.
Я, член Всенародного Белого Братства,
Такие веду по ночам разговоры.

Труба за трубой отмечают заботу
От Омска до Томска, от Брянска до Тулы,
Ведут непосильное дело работы,
Среди самоварного гама и гула.

Потехи нельзя, пусть откроется небо!
Снега потекут самозванно и громко.
Сто грамм самовольного белого хлеба
На каждую женщину или девчонку.

Никто, никогда не уидет обойденным.
Пусть горы меняются, шило на мыло.
Распустятся сказкой на ветке знамена.
Мы каждый кусок получили посильно.

Распустятся сказкой на ветке знамена
И гордо взлетят перелетные цапли.
На каждом растении светло-зеленом
Хрустальная чистая яркая капля.

Среди уходящего в памяти неба,
Среди обращенного в небо пространства
Взовьются ужом и останутся хлебом
Слова Всенародного Белого Братства.

19 Окт. 96

Fael-Inis.

Мы бросаемся в водопад,
Fael-Inis, вс вниз и вниз
Светит ночь, ослепляет взгляд.
Солнце черных зверей и птиц.

Мы бросаемся в водопад
Нам темно, у углов земли
Fael-Inis, один, наугад, (читать здесь: Ф‘ел–Ин‘ис)
Сверху падали корабли.

Fael-Inis, как бросали взгляд,
Убивали зверей и птиц
Мы бросаемся в водопад,
Солнце черное светит вниз

Как темно – осторожный слой
Сон снимает, слепой песок
Звезды падают, ночь и зной,
Человечества черный сок

В водопаде темно и дождь
Бьют часы наугад, навзрыд
Не теряй, не терпи, не трожь
Все равно ничему не быть.

Ты среди незнакомых птиц
И часы стучат наугад
Солнце черное, **Fael-Inis**
Мы бросаемся в водопад.

4 Окт. 96

Голос

Да не вечер, да не тень встат
Да и нам не верит, да и не берт
Да и так ли, этак ли – не тут, не здесь
Да и ра-азбилась туча от небес.

Ой, да не вечер, да не ветер
Ой да и туча та не та
Ой, да и разбилась в облаке
Ой, да и туча та.

Веришь или не веришь
Имя песня теснится в седле
Ветер вьтся, буран находит
“Над весною вернись, вернись!”
– “Дым.”

28. 10. 87

Каракатица.

Каракатица спросила раз ужа:
Ты скажи ты мне долги свои отдал?
Раз в воде ты во соленоей жившь,
Значит должен мне соломенныий грош.

Уж-то был он малый не хитр,
А проворен, как удалый молодец.
И сказал он ей: тебя я звал, стар'а?
Он сказал: Иди отсюда поскорей!

Так сказал он ей, сказал, иди скорей
И ищи ты дураков у других, у солныих морей.
Так сказал он ей, сказал, иди стар'а
Не получишь, он сказал, ты моего добра.

Было дело, и гроза
Так на море громыхала
Что причал волна сломала
И согнулась, как лоза.

9 фев. 87
4 мар. 87

***

В те края, где Леонтий телят не гонял
Уходили войска моего короля
Я устал, ты устал и устала земля
Все устали и ночь открывает поля
В королевском дворце продолжается бал.

Липкий страх и чудовищный шорох и сон
Кто убьет тебя первый не будет убит
Это кажется правдой, и правда кипит
И вздыхает и рвется и просится пить
А война как падение вниз в небосклон.

Кто теряет и небо теряет себя
Остатся один никого не любя
А оставшись один, притворяется кожей
И умрет как и жил, ни на что непохожий.

А обучены в небе, войска короля
Маршируют к закату, и стонет земля
И навеки чудовищный шорох и сон,
Ветер гнется к земле и гудит небосклон.

А визитная карточка, темная мышь
Если хочешь, не видишь не видишь а спишь,
Получая в награду за верность лишь сон
И навеки чудовищный шорох и стон.

25 11 96

***

А в реке живт сова
Там живт и хитрый язь
Там живт ещо трава,
Но живт она смеясь.

Где лежит вчерашний суп –
Там лежали голова
Там, на низкий речной дуб
Повылазила сова.

Да, где ветер дул едва –
Там, где поселился линь
Скользкий линь там жил сперва
А потом там жил налим.

На корягу ты похож,
О налим! Ты с бородой
Все равно ты нехорош
Как праматери, пустой.

В тот страшный год, когда дома
Лежали боком на земл'и
И были сломаны тома,
И были порваны вдали –

Тогда оброс ты бородой
Налим! Коричневой, как простота
Густой и слизистою той,
Она висит у тебя из рта,

О чудище налим! Твоя душа
Мне так ясна, как телефон
О, ето не то, что язь: он
Хитр, и хитрый он, как вша.

Волны катятся кольцом,
окружают жизнь мою.
Мне пора поставить дом
Иль закончить жизнь свою.

10 ноя 87 (маразм, прямо скажем)

Ракукин.

Ракукин глядит сплеча
Он смотрит на речной брег
Его душа горяча
Как только что выпавший снег.

Ракукин глядит на порт.
О, что же видит он там?
Там видит он тот апорт,
Которому подвергся он сам.

Ракукин идет потом
Туда, где растет ель.
Он идет туда с топором,
Но кидает его в большую щель.

Да! Так идут те дни,
В которых ему суждено жить.
О! Сколь томительны они!
О! Сколь ему их суждено пережить!

Ракукин глядит, как нож.
Он знает: ему светло.
Он в эти моменты хорош,
Как очень большое число.

10.11.87

Пакин 7 ноября 1987г.

Пакин хитрый, как стена,
Обманул милиционера.
Это было в тот день, когда вся страна
Глядела в большой ящик из фанеры.

Это было тогда, когда
Пакин, о! хитрый, как стена!
Как светит твоя звезда,

Как хитро светит она!

Он пролез сквозь вопрос,
Он летел колесом.
С палкой, как пылесос
Он был почти невесом!

Он пролез сквозь щель
Он был невредим
Как он ясно видел свою цель!
Как он был невидим!

О! Пакин, хитрый как колесо!
Ты был тот, кто всегда служил мне примером.
О, прекрасный мой пылесос!
Ты обманул милиционера!

10.11.87

Пара Пара Рам.

Вс ненужное вскоре сотриотся,
Вс, что нужно, станет ненужно.
Руки сжимаются, сердце рвтся,
Влажная кровь, бьтся и душит.

Тихо, кровь: это пенье раненых,
вот твой Бог и теперь убей его
Твой корабль уведен цыганами
И в порезах его живот.

А когда разовьтся пасмурное,
Мы очутимся посреди полей
Я скажу тебе, что терять-то нам
Кроме наших, того, цепей.

Есть такой удар – птицей в воздухе,
Мухой по небу, бьт мужик в кольцо
Лысый карлик, в морщинах, с проседью
И в порезах его лицо.

И мне снилось, мы встали затемна,
Цветы папоротника, посреди песков
Я люблю тебя, так старательно
Что от слз незванных болит живот.

Люди пахнут, как чрт от ладана
И соседи скрипят, сами по себе
Слышишь, девочка, или вправду нам
Воет небо и хочет петь.

Я люблю тебя, каракатица
Я люблю тебя, и твоих богов.
С хрустом время повсюду катится
Я сгораю и зарождаюсь вновь.

Или вправду время пора-
Зуму стучит и по разуму бьт.

Размахнись рука,
Удирать пора
И охотничий рог зовт.

28 окт. 96

***

И новый праздник обьявили колдуны
Пусть явится и каждый и некаждый
Я в стену врос – и нету той стены
И я бреду на сцену, мучим жаждой.

Хлопушками гремят колокола
Повсюду колдуны, жрецы и тени
Протиснуться бы к краешку стола!
В глазах рябит – сплошное мельтешенье.

И десять дней священный длится бал
И десять дней ещ, для полной меры.
И жрец устал, и конь его устал
Устали музыканты и гетеры.

И жрец устал, и конь его охрип.
Встат, сжимая донышко бокала
Ещ колдун, веслый словно гриб
И тост звучит, за здравие шакала.

И в бесконечность пятится провал
Священные жаровни догорели
Всем чудится девятый страшный вал
И некому спасти нас от веселья.

И целый год проходит как кошмар
И зреет шторм, и гордо стонут птицы
Как странно – город охватил пожар
И страшно как, и хочется молиться.

Как будто парус, надувало стыд
И ветер гнал огни из океана.
Прибой гасил прибрежные кусты
И ангелы шептали нам осанну.

Но цезарь, оторвавшись от забав
Предал огню традиции и право
Наказан был кто прав и кто неправ

Ужасна была царская расправа.

И город догорел, и все дома
Не думайте о празднике, о Боге
Приходит вечер, и пришла зима.
Жрецы и колдуны сидят в остроге.

Да что же мы и что же колдуны...
Растут леса, средь тишины и мира
Мы знали вс — и что кому должны,
И что должны нам, нищим или сирым.

Мы знали вс — что свято, что грешно
Следы веков в дорожной рвутся пыли
Мы знали вс — не вс ли нам равно?
Мы знали вс... мы знали вс.. забыли.

И только где-то в горле рвутся дни
Засохло море, сократилось царство
Прошли года, и Боже сохрани,
От праздника, и мора, и коварства.

И нищим светит солнце, как светильник
И катится попятно небосклон
И хочется кидаться от бессилья,
Но некуда, и нерушим Закон.

И так тянулось время, как резина.
Давно забыты сны и колдовство
Лицо страны, подернутое тиной.
Назвали “процветанием” его.

И в тихом сне проходит жизнь и ближе
Подходит осень, смерть, зима, зола,
И жизнь прошла, под стать болотной жиже,
И жизнь прошла, под стать и жизнь прошла.

И жизнь прошла, под стать речному илу
Под слоем тины вражий лик страны
Забыты и пожары и могилы
И умерли в остроге колдуны.

И долго будут ждать колокола
А среди неба отдыхают птитцы
Корявой деревушкой в три угла
Нам некому и не о чем молиться.

И только где-то в горле рвется нить
Мы вспоминаем праздник и природу
Нам хочется реветь, бежать и выть
И чувствовать мятежную свободу.

А среди неба, среди тишины
Распятый жрец, брильянтовые пажити
И празднуют беспечно колдуны
Их изувеченные лица в лунной кашице.

(**1**, **4**, **9** Нов 96)

***

В Ростове-на-Дону цветет пожар
И катится под ноги этикет
И плавится, ударом на удар.
В Ростове-на-Дону цветет рассвет.

Нам чудится, звенят колокола
И рвтся в ноги из бокала яд
Гудение зеркального стекла
Нам чудится, колокола звенят.

За ручку схватишься – а двери нет
Доносится ударом на удар
В Ростове-на-Дону цветет пожар
В Ростове-на-Дону цветет рассвет.

9 11 96

Повсюду рыбы.

Сенною, хною и пеною,
Рыжим огниом сон по скалам.
Рыбы чредой постепенною
Медленно меряют шпалы.

Русскою тварью старинною
Черт притворяется хилый.
Время мешается с тиною.
Рыбы кивают уныло.

А далеко, над вулканами
Словно затихшие осы,
Рыбы чредою багряною
Даль осторожную косят.

21 окт. 96

***

Рыбы, устрицы и звери,
Скользкий уж, вонючий шмель
Осаждают наши двери,
Залезают к нам в постель.

Постовой, тревожно щурясь,
Арестовывает тварь.
Он не знает наших улиц
И ему е не жаль.

Русским духом пахнет резко
И гудит протяжно ум.
Для кого-то это мерзко,
Для кого-то просто шум.

Я люблю вас сильно, звери.
Вы, и вся моя семья
Перед днм такой потери
Будьте бдительны, друзья.

21 окт. 96

Самоваров.

Рыбы, растения, крабы,
Сон на пороге субботы
Хмурые правят арабы
Мертвое тело работы.

Ветеринар Самоваров
Рубит животным копыта.
Пламя далеких пожаров,
Запах растений убитых.

Рыбы стучат сапогами,
Лица в коросте нарывов.
Всепожирающий пламень
Что вы наделали, рыбы.

Голос доносится строго
Словно из сказки забытой
Рыбы, готовы к дороге?
Нет, не готовы – убиты.

В золоте липких товаров
Трупной повеяло гарью
Ветеринар Самоваров
Встретился нынче с печалью.

Из темноты перегара
Корчится страшно на дыбе
Ветеринар Самоваров
Что вы наделали, рыбы.

И отвечают негромко,
В смерти безвинной суровы
Рыбы, готовы к дороге?
Чтож, и на это готовы.
26 10 96

***

Небо беременно небом
Время беременно временем
Ляжешь, а встанешь беременна
Волоком, волосом, бредом.

Знание кажется знанием
Но повернется боком –
И обернется незнанием
Омутом темным, глубоким.

Черное брюхо кристалла
Время в окружности бреда
В омуте рыба кричала:
– Небо беременно небом.

12 окт. 96

***

Шоколадного смеха кривая дорожка,
Постоянства и страх привет
Есть старик, и собака, и домик-сторожка
И пожара и тления цвет.

И как будто выводят слова на бумаге
А как будто бумага цветет
Я хотел бы учить, научиться отваге
И умению бить его влт.

Но уходят дома, и терпенье и тленье
И вселенского трения счт
Мы учили, учились всему и терпенье
Нас куда-нибудь да приведет.

Руки сжаты, пространства усмешка кривая
(все украдено) (все усмирить)
Мне хотелось уйти, я один, ты живая
И тебя уже не удивить.

И откроется небо, и гулко и сильно
Словно сом, борода и усы
Словно сыч удивлен, как ворона обилен
Словно ветер и словно часы.

Мы же мыло, веревку, ковры, самогон,
Запасемся и двинемся в путь.
И высокий и древний и красочный он,
Все что было и будет забудь.

Пусть высокое небо откроет сама
Пусть откроется вширь или ввысь
Мы ломали и строили снова дома
Надоело и бросились ввысь.

А вдали за высокой стеной городов
Словно сон порерявший свой вид
Развевают леса свой суровый покров

И высокое небо висит.

....

...И как будто теряют свой вид облака
И как будто теряют свой сон
Я один, я люблю тебя, птица сова,
Гусь, енот, куропатка и слон.

Где уходит в леса опечаленний дрозд,
Где теряет упор колдовство
Словно леший сутулясь, как уголь непрост,
Безымянная правда его.

И теряют, теряют свой вид облака
В руку нож, обязательный сон
В руку сон, в року осень и в руку рука,
Я хочу тебя, значит влюблн.

И кричат "выше" птицы, и дальше вода,
Дальше неба и дальше воды
Мысли будут из золота, дым изо льда
Пожурчали и сгинули льды.

Из железа и мрамора будет трава
Из гранита и снега базальт
Из песка и резины моя голова
Я не жалуюсь, что за печаль.

Я люблю тебя, Юличка, птица сова,
Черепаха, букашка и слон
Это сон или может такие слова
Это сон или может быть сон.

Руки за спину, надо идти воевать
Ранец, книги, тетради и ключ
Книги, ранец, ключи и пенал и тетрадь
Я люблю тебя, только ты будь.

Что за дело и месяцу что за печаль,
Отправляться всегда и вперед
И отравлено небо, и небо как сталь

Оторваться не в силах, гранит и базальт
Осетриный предутренний ход
Я люблю тебя, детка, и мне тебя жаль
Что супруга пустили в расход –
Но дворы как могилы и небо как сталь
И уходит полнеба, стремительно вдаль,
Воробьиное небо цветет.
Но в ответ, словно птицы, гранит и хрусталь
И звучит, такой ласкою, "мне тебя жаль",
И предсмертное небо цветт
И заветная пуля зовт.

23 нов. 96

Смерть

Смерть пришла и говорит:
Подо мной земля горит,
Надо мною синь небес,
А вокруг зелный лес

А вокруг трава трава
Эх, шальная голова
Эх, зелные кусты
Да прозрачные мосты

Плачет-плачет человек
Между двух зелных рек:
Эх, да милость – синь небес,
Помоги, зелный лес!

4 июля 87

(Со скобками)

Там сон, там тишь, там нет обмана
Там судят мртвых два барана
И третий – брат второго (Минос)
И третий продат на вынос

И ходит страшный зверь Пифон (*)
(Не много рук имеет он,
А много ног – все в форме змей
(Как хочешь – так и разумей!))

Там бродит гидра из Лерны
(Все е головы умны,
И каждая – страшнее дня
(Такая есть и у меня)
И каждая – темнее ночи
(Которая темна не очень,
Поскольку светятся в ночи
Е кастальские ключи,

И беллерфонтская вода, (**)
Которая течт всегда).).

Туда, туда, туда, туда
Отправлюсь я – и нет меня
А только тмная вода
Да только красная беда
Да только чрные ключи
Да только вечное "молчи".

3 апр. 88

(*) Имеется в виду Тифон. Пифон лучше звучит.

(**) Чрт знает что такое.

Мужик Суковатов.

В 12 часов по ночам,
Лишь полночь пробьиот на часах,
Мужик Суковатов несется,
Несется в <i> личных</i> сапогах.
— Г. Помяловский.

Кристальное небо в зачумленных снах,
Кривые осколки летучей воды.
Я спал, и мне снилось: в своих сапогах
Мужик Суковатов, обломок пизды.

И в полночь несется старик по стене
Мужик Суковатов, народный герой.
Я спал, и не видел: один, в полусне,
Летит Суковатов ночною порой.

Забыть не хотел, и не мог позабыть:
Заросший по пояс в кусках бороды,
Летит среди неба, как дым из трубы,
Мужик Суковатов, обломок пизды.

17 окт 96

***

"Мою звезду я знаю, знаю..."
— Евгений Баратынский

Зачем, к чему свинообразность?
Зачем печальныи мой каприз
Вы променяли, променяли
На ваш мучительныи стриптиз?
Не лучше бы разнообразность?
Когда обрушился карниз,
Иные голову ломали
А вы спокойно отдыхали
Ногами вверх, рогами вниз.

13 9 89, в метро

Тит

“Седой, всклокоченный Андрон...” – А. Белый

Дождь и ветер, снег, буран из туч.
Солнце не светит, и его холодный луч.
Говорит народ: знать, по небу
Солнце по весне не летит, летит.

В это время, в это самое Тит
Едет п’о лесу, как буран шумит.

Раз поехал, раз поехал в глушь тажную
Так не бойся голоса тревожного.

Славный Тит! Он так на ...(*) глядит,
Будто нападт, и тут тебя с’едит.

Раз поехал, раз поехал в глушь тажную,
Так не бойся, так не бойся невозможного.

Бойся только облак’а,
Да хромого петуха,
Да весенние кусты,
Да прозрачные мосты,
Да над речкою.

Словно свечкою,
Бродит там хромой с овечкою,

Похохатывает.
Да над лесом, да над лесом
Тит в телеге погромахивает.

27-3-87

(*) Нас.

***

Летучее небо и море в осадок
Раз будет так было, и будет вовек
И кружится море, повсюду упадок,
Смятенье, рекою покрыт человек

Пускай открывается мокрое небо
Здесь двери и окна, потоп как потоп,
А в городе тьма, и смешно и нелепо
Когда словно мясо кладут тебя в гроб.

А в городе вши, и барсук-белошвейка,
И белка-ткачиха, кузнец-попугай
Среди бесконечного неба потеха
Заоблачный тихий и солнечный край.

Смется и руки кидает о землю
Теряется небо зачем, подавай
А вс же не любишь, а вс же приемлешь
Томительно-солнечныи облачный край

(то самоцитата) А знаки вс те же,
Вс те же привычки, холмы, имена
Повсюду спирали, и раньше и прежде
Миледи и плаха, земля и волна.

Растут не касаясь земли абрикосы
Земля словно небо а звзды фасоль (неточная цитата из Е. Л.)
Трясут патронташ и смеются матросы
А солнце молчит как на небе мозоль.

И так же томительно тянет трясина
И также медлительно тянется даль
Я в землю проник, и в могиле старинной
Есть логово птиц, грызуны и хрусталь.

Как список семейств подчиняющих дрну
И крылья пожара легки, широки
Я в землю войду, как апрельские зрна
И сбудутся камни и света куски.

Неровности, гулкие словно абсцессы
Откатятся медленно, ночь и рассвет
На небе спирали, кресты, поэтесса
Новелла Матвеева, семьдесят лет (сегодня мне снилась Н. М.)

Терпение устриц, и в руку и в ногу
Сомы, осьминоги, усы, красота
Хватает жирафа за хвост осьминога
Скрещение мускул – и нету хвоста

И вс сокрушаются двери острога
Носы на пружинках, глаза на стекле
В глазах беспричинная бьтся тревога
И дверь как дорога на долгой земле

Пусть небо дрожит, и землянки и хаты
Пусть двинется вдаль и застынет дугой
Сжимают ружь неподкупно солдаты
И небо зажато пружиной тугой.

Я знаю дома: как кристально и пенно
И солоно, снежно и томно жившь
И катится небо, одно, непременно,
Не уголь, не сахар, не небо а дождь.

Ругаются тихо сквозь зубы понтоны,
Гондоны сияют, пространство и медь
Я знаю слова, и степенно и томно
И хочется плакать, когда не успеть

Старается в небо ушла атмосфера
И сфера пространства, и неба слова
Слезами горючими катится эра
И пятится раком, неправда, жива.

Стыдись облака, пухни раком пространство
Лети выше облака, выше стола
Прекрасных хором золотое убранство
Нам вспомнятся сткла – и нету стекла.

И словно и не было жизни как меры

Сплетение дней в бесконечный батут
К чему нам луна и к чему нам холера
Когда будет нужно, тогда позовут.

Я в стену войду, словно окунь в пространство
Усилий, уроков, усилий, молвы
Пусть в небо уйдт золотое убранство
Убранство уйдт – пусть останется вы.

Я в землю войду, выйду в стену и сгину
Как будто сомненье в зашитой груди
И тянет за палец, холодный и длинный
И катится громом по влажной сети.

Она превосходна и катится дальше
Высокие волны и долгая пыль
Уйти рано утром, а может быть раньше
Комедия ждт – узкогрудый ковыль.

Растаявший лд и размокшее пламя
Смется в распаде, мигает в огне
Распухший герой молодыми руками
Стремится в ладони и стонет во сне

И словно мгновенье внизу, оболочка
Срывается с вешалки, бьтся в руках
Медведи, олени и устрицы в бочках
Медведи, олени, огни в облаках...

Кресты и спирали, устали и меркнут
И небо уходит одно, на восток
Врывается в дверь, бьтся в дымке вечерней
Сливается в неразличимый кусок.

Я в стену вошл, повернулся и выйду,
Пройдусь коготками по влажной траве
Мелькну тут и там, незаметного вида
Как белка, как парусник, вдаль, в синеве

Сливается в дымке корзинка и планка
Скрывается небо в закатной пыли
Нам выпала жизнь, как консервная банка

(so shiny, so bright...) но пустая внутри

И словно безумные, катятся годы,
Как липкие пальцы (рассудок исчез)
Как кролики лета, мы ждали восхода
Дождались, дождались, и делу конец.

И небо кровавое, редкие звзды,
И мртвые боги, сухие мозги
Не веришь, не любишь, не веришь а резко
Закрутится солнце – и нету тоски.

И словно заклятие, падают в реки
Зеленые звзды, спирали, кресты
Я плакал, просил – поднимите мне веки
Но веки прибиты, и дождь, и кусты.

И время придт, будет больше и лучше
Вам кажется небо, а видится ночь
И сладкие, липкие, черные тучи
Как скажешь и выйдет, и будет точь-в-точь.

И вс упирается в спинку бумаги
И небо и время и тучи во сне
Моя королева, Летуция Крагге,
Возможно ли это, что видится мне?

Мосты или монстры, тачанки и тучи
Колы и колодцы, давай подавай
Пускай самыи первый, пускай наилучший,
Пускай самый сладкий вобще каравай.

Почудилось лето, тачанки и кошки,
Колы и колодцы, коты, имена
Сметс себе господин нехороший,
Мигнт и исчезнет – вот на тебе на!

А мир этим летом – затихни и скройся
И смерть если вместе – нежна, не страшна,
За руки схватились – а ветер уносит
И видно далко, страна как страна.

Нам выдано время одно – проморгали
Спустили его, как игрок казино
Растратили искры, и дни потеряли
И кажется странным и вещим оно.

В пещерах и рощах, в гробницах и травах
Живут незаметные волкокиты
Мы стали такими же, Господи правый,
И сдохнем одни, незаметно, как ты.

И вс же, и вс-таки крутится время
Дворы как колодцы, и небо и тишь
Вставать рано утром – такое же бремя
Как спать, если сбудется, что ни приснишь.

А в Африке холод, мороз и сосульки
В Австралии пальмы, холмы, кенгуру
Рукав закатай, красной краской забулькай
Пускай это вспомнят, когда я умру.

И вс-таки катится вдаль атмосфера
Роса на снежинке, вода на стекле
Любовь, крематорий, надежда и вера
Бреду в колумбарий, один на селе.

Жгутом перетянут рукав и польтся
Посыпется камнем как лето тропа
Я видел гроза, словно эхо смется
И катится влажно босая стопа.

Пришедшему в мир не пристало молиться
Как гость на пиру, ты глотаешь слова
Горит человек, умирает девица
Моржи, осьминоги, шакалосова.

А я только краской кровавой расправа
И вдаль словно сахар уходят слова
Раскинулась жарко под небом держава,
И если могучая, значит права.

Так катится долгая лестница в небо,
Так жалит в пампасах затейливый рой

Возьмешься за дело – и вытащишь репку,
Обласкан гостеприимной землей.

И горы несут непомерную тяжесть
И реки текут, неизвестно куда
По горло войдшь в искромтную пряжу
А выйдешь нескоро, один, в никуда.

И реки текут по земле как морщины
Я таю как свечка и скоро уйду
Я врос прямо в землю, один, без причины
Моржи, пылесосы, ущелья, долины
Рукав заверните мне до половины
Я яблоня в тихом вечернем саду
Но выели черви мою сердцевину
И ветви опали, и листья зарыли,
Шакалособаки плоды растащили,
Корней и верхушки никак не найду.
И больно, и стыдно от этой картины,
И слзы незванные тонут в пруду,
И видится небо, и вольно и чинно
Несутся дороги по небу, как льдины
Сожмите мне веки – я здесь, я в аду.
Меня нарисуйте на тощей холстине
Я вырвусь из ткани, весь в ряске и тине,
Как будто болотный лежалый сундук.
Я буду как кролик, и важныи и чинный
Смотрите как брат мой висит под осиной
Я вс потерял, что поймал на уду
И тянитолкаем сижу на виду.
Примерился тварью, холодной и длинной
Любовь – это озеро с вязкою тиной
Я знаю свой ужас и я его жду
И волкошакалы смеются в бреду.

7-8 дек. 96